

Женщина сидела на мокрой

парковой скамейке, не обращая внимания ни на мелко морозящий дождь, ни на торопливо пробегающих мимо людей. Она была странной даже по меркам ко всему привыкшей столицы. Не по погоде легкое черное платье-балахон, распущенные по плечам морковно-рыжие волосы, густо подведенные черным глаза, белая пудра и алая помада, совершенно неуместная на простоватом круглом лице. Имелось и еще кое-что, то, что непременно должно было привлечь к ней внимание прохожих или хотя бы заставить их замедлить шаг: в пухлых руках она держала расписанный под гжель череп. Слава богу, не человеческий, кажется, кошачий. Да, наверняка кошачий, коль уж им заинтересовался Блэк...

Блэк замер, сделал стойку, словно почуввав добычу, и вопросительно посмотрел на Арину. Она тоже остановилась, переводя взгляд с расписного черепа на расписное лицо его владелицы.

Женщина была мертва. Мысль эта не напугала Арину так, как напугала бы еще пару месяцев назад, но по позвоночнику юркой змейкой пополз холодок, предвестник неладного. Мертвые не вмешивались в ее жизнь, существовали в парал-

лельной Вселенной, она просто знала, что они есть, бродят среди живых неприкаянными душами, не мешают. Хотелось так думать. Наверное, поэтому, заметив кого-то с той стороны, Арина поспешно отворачивалась, делала вид, что ничего особенного не происходит, и мертвые проходили мимо. Может быть, не обращали на нее внимания, а может, тоже делали вид, что ничего не происходит. Это казалось правильным, потому что позволяло жить в относительном ладу с самой собой и окружающим миром — живым и мертвым. Незнакомка о правилах призрачного этикета не знала или же намеренно их игнорировала.

— Убери от меня свою псину! — На выбеленном лице отразилось неудовольствие пополам с брезгливостью.

— Блэк, сидеть! — скомандовала Арина и едва удержалась, чтобы не ухватить пса за ошейник. — Извините, — сказала смущенно, — он вас не обидит.

— Ты это мне? — Подведенные алым губы растянулись в неуверенной улыбке, белесые брови удивленно поползли вверх. — Значит, ты меня видишь?

— Я вас вижу.

Надо уходить! Одно дело видеть призраков, и совсем другое — вступать с ними в диалог. Она не собирается усложнять свою жизнь еще больше. Хватит с нее!

— Блэк, пойдем! — Все-таки она схватилась за ошейник и даже ощутила под пальцами шершавость вытертой кожи и холод стальных клепок. Своего мертвого пса Арина чувствовала так хорошо, словно он был живее всех живых.

— Стоять! — Незнакомка вскочила на ноги, едва не уронив расписной череп, поймала его уже у самой земли невероятно стремительным для простого человека движением. Впрочем, кто сказал, что она простой человек?

Блэк оскалился, обнажая черные десны, и заступил знакомке дорогу.

— Как же я не люблю собак! — сказала она с досадой. — Вот кошек обожаю. — Ноготь с облезшим черным лаком ласково постучал по расписной черепушке. — Это Маруся, одна из моих любимиц. Была... — В мутно-голубых глазах блеснула слеза.

— Вы ее?.. — Арина невольно отступила на шаг.

— Да ты что?! — Незнакомка возмущенно тряхнула рыжими патлами. — Подумала, я ее того?.. Дикость какая! Маруся умерла от старости в очень преклонном возрасте!

— А череп? — Ей бы уйти, не вступать в дебаты с сумасшедшим призраком, но любопытство... любопытство стубило кошку. И ее когда-нибудь погубит.

— А череп... это я уже потом... — Тетка смутилась, но ненадолго, тут же воинственно уперлась кулаками в бока, снова едва не уронив черепушку. — Хобби у меня такое.

— Какое?

— А вот такое! — Она помахала перед Ариным носом тем, что осталось от несчастной кошки Маруси. — Я их расписываю!

— Черепа?..

— А что? Это искусство, милочка моя! Пусть несколько трансцендентальное, но и профессия у меня, знаешь ли, соответствующая.

— Вы художница?

— Я?! — Тетка посмотрела на нее со смесью жалости и удивления. — Помилуй, какая из меня художница! Я спирит. — Она снова трянула патлами, отступила на шаг, пропуская куда-то спешащего под кособоким зонтиком мужичка.

Тот ее не заметил, но на Арину, стоящую истуканом посреди аллейки и разговаривающую с пустотой, глянул неодобрительно.

— Спирит — это что-то вроде медиума? — уточнила Арина, провожая мужичка тоскливыми глазами.

— Спирит — это что-то вроде тебя. — Незнакомка снова погладила свою черепушку, с прищуром посмотрела на собеседницу и добавила: — Только ты слабенькая совсем, я-то была ого какая мощная!

Значит, «была»? Это радует. В том смысле, что тетенька осознает, что умерла. То есть призрак она хоть и экстравагантный, но вполне вменяемый.

— Я мадам Марго! Слыхала небось? — спросила тетенька с надеждой. — Или, может, в газете видела? Объявление мое в газете...

Арина не слыхала и не видела, но обижать мадам Марго ей не хотелось.

— Я вообще-то не местная, — брякнула она первое, что пришло в голову.

— Лимита, значит? — Мадам Марго смерила ее презрительным взглядом, и Арина тут же пожалела о своей тактичности. — То-то я смотрю, ни шарма в тебе, ни лоску.

— Зато в вас и шарму, и лоску...

Разговор нужно было сворачивать. Не хватало еще поцапаться с первым встречным призраком.

Арина поморщилась, совсем недавно нынешняя ситуация показалась бы ей совершенно нереальной, но тогда она еще была нормальным человеком, а сейчас ведьма, прогуливающаяся по городу в компании с призрачным псом и таскающая в дамской сумочке многовековое веретено.

— Обиделась? — Мадам Марго добродушно усмехнулась, луноликое ее лицо пошло складочками и морщинками, в которых совсем утонули и без того небольшие глазки. — Да ты не дуйся, чего там! Я и сама-то не столичная штучка. С Урала, считай, вообще из глухомани, но в Москве живу вот уже двадцать... — Она осеклась, сжала черепушку так сильно, что Арина испугалась за бедную Марусю. — То есть жила...

Она была еще совсем не старой, лишние годы добавляли нелепый балахон и макияж, да и рыжий цвет волос не молодил. Арина решила, что ей чуть за сорок. Рановато для естественной смерти... Но спрашивать, из-за чего мадам Марго оказалась в рядах тех, с кем раньше пыталась выйти на связь, Арина не стала, посчитала невежливым, да и ненужным. У каждого своя жизнь и своя... смерть.

— Мне пора. — Она отступила на шаг, потянула за собой Блэка. — Было приятно познакомиться.

— Уходишь? — В голосе мадам Марго послышалась тоска.

— Электричка. — Арина выразительно посмотрела на наручные часы. — Я уже опаздываю.

В Москву они с Блэком приехали по делу: подписать в издательстве договор на новую книгу, забрать причитающиеся авторские, обсудить перспективы. Перспективы вырисовывались вполне

приятные, книги молодой писательницы Арины Рысенко продавались неожиданно бойко, по этому случаю тираж увеличили вдвое. Факт сей не мог не радовать, грел душу даже в такой унылый сентябрьский день. До того самого момента, пока черт не дернул ее посмотреть в сторону этой несомненно экстравагантной, но бесповоротно мертвой дамы.

— Так мы и не познакомились даже! — Марго переложила черепушку из одной руки в другую, спросила: — Тебя как зовут, коллега?

— Арина.

— Псевдоним? — Белесые бровки снова поползли вверх.

— Просто имя.

— Просто имя в нашем деле не катит, нужно что-то звучное, как...

— Как ваше? — Вообще-то «мадам Марго» больше подходило хозяйке борделя, чем промышляющей спиритизмом даме, но озвучивать свое мнение Арина не стала.

— Всяко лучше, чем Маруся Федорцова. Это я в миру так зовусь... звалась.

— Извините, мне и в самом деле пора. — Не хотелось ей становиться на эту скользкую тропку: знакомиться с человеком, которого уже нет и никогда не будет. Пустое и бессмысленное занятие.

— Ну, раз пора, так иди. — Марго взмахнула зажатой в руке черепушкой, плюхнулась обратно на скамейку.

Пробегавшая мимо девчонка, которую она едва не задела полой своего балахона, испуганно шархнула в сторону. Люди не могли видеть тех, кто приходит из другого мира, но некоторые

из них чувствовали. Как животные, которые чувствуют гораздо больше людей.

— Всего доброго. — В сторону Арины Марго больше не смотрела, разглядывала узоры на Марусиной черепашке, голос ее звучал едва слышно из-за усилившегося дождя. — И знаешь что... ты береги себя.

— Зачем? — Арина уже отвернулась, чтобы уйти, но что-то в словах Марго ее насторожило. Нет, не в словах даже, в интонации, с которой они были произнесены.

— Чтобы не оказаться вот тут. — Марго похлопала по скамейке рядом с собой и зашлась недобрим, совершенно сумасшедшим смехом.

— Больная какая-то, — буркнула Арина себе под нос, поправила на плече увесистую сумку с авторскими экземплярами, а вслух сказала: — Спасибо за совет.

— Это не совет, а предупреждение, — ответили ей, но на сей раз она не стала ни останавливаться, ни оборачиваться, наоборот, ускорила шаг.

* * *

Волков не звонил, совершенно и окончательно пропал с радаров, как только устроил новую Аринину жизнь, справил ей новую личность, подарил ручку с золотым пером и дарственной надписью. Наверное, если бы не этот презент, она бы смирилась и потихонечку стала его забывать, но ручка... ручка с золотым пером и гравировкой была не обещанием — нет, но как бы крючком, занозой, засевшей в сердце и не позволяющей выбросить из памяти все напрочь.

Тогда, больше года назад, Арина надеялась, что Волков уйдет из ее новой жизни раз и навсегда, потому что знает про нее всю правду, знает, во что она превратилась и что сделала. Не самое лестное знание, беспокойное.

По собственной воле стать ведьмой — это еще полбеды, особенные обстоятельства могут извинить и не такое. Но Волков единственный, кто не только знал тайну Арины, но видел ее в деле, представлял, на что она способна и что может сотворить с тем, в ком увидит угрозу.

И Волков ушел, а потом взял и прислал подарок, засевший в сердце острой занозой. Подарок ведь всегда знак внимания, доказательство того, что тебя помнят, несмотря ни на что. Плохо это или хорошо, Арина не знала, однако всякий раз, когда брала в руки ручку с золотым пером, думала о Волкове.

Конечно, он мог бы вручить свой подарок лично, но, наверное, это было бы слишком опасно, слишком интимно. Гораздо проще воспользоваться услугами посредника, чтобы не встречаться и в то же время дать понять, что... Что Волков хотел дать понять, передавая через мальчишку-посыльного свой подарок, Арина не знала. Она могла только догадываться и мечтать. Мечтать очень редко, на самой границе сна и бодрствования, когда мысли и чаяния имеют особую силу.

Нет, Волков не вытолкнул ее окончательно из своей жизни. У Арины был номер его мобильного — еще один подарок, а может, знак особого расположения.

«Звони, если что», — сказал он ей, стремительным почерком вывода на листке бумаги ряд цифр.

Арине хотелось бы знать поточнее, что должно случиться для того, чтобы она смогла воспользоваться этим номером, оторвать Волкова от важных дел. Небеса должны упасть на землю или ей достаточно просто соскучиться?..

Если первое, то ей ничего не светит, потому что ближайший конец света уже прошел, небеса не упали. Если второе, то... то она никогда не осмелится. Об этом нет смысла даже думать. Но она все равно думала, на самой границе сна и яви, в тот самый момент, когда граница эта размывалась и делалась едва заметной, когда достаточно только пожелать, только протянуть руку, чтобы втащить Волкова в свой сон.

Впрочем, он никогда не сопротивлялся. В мире грез Волков был совсем другим и поступал так, как никогда не поступил бы в реальной жизни. Девичьи грезы — они ведь на то и нужны, чтобы хоть на время превратить мечты в явь...

Электричка качнулась, притормаживая у едва различимой в пелене дождя станции, двери раскрылись с тихим шипением, и Арина вслед за Блэком спрыгнула на мокрую блестящую платформу. В воздухе пахло осенью, самым ее началом, увядающей листвой и едва уловимой горечью далеких костров. Арина осень не любила, именно из-за этих вот предвестников неминуемого умирания, из-за острой уверенности, что дальше станет только хуже: дожди и туманы усилятся, птицы улетят на юг, и на каждом участке запылывает погребальный костер из опавших листьев. Даже мысль, что все это не навсегда, что когда-нибудь, спустя много-много дней, наступит весна, в такие дождливые дни не вселяла никакого оптимизма.

«Когда-нибудь» — это сродни «звони, если что». Вот так-то...

Перрон быстро пустел, люди спешили укрыться от дождя. Арина раскрыла зонт, краем глаза успев заметить одиноко стоящую у дальнего края платформы фигуру в черном. Блэк повел ушами, но особого беспокойства не выказал. Псу, как и ей самой, не хотелось неслучайных встреч.

Фигура в черном приветственно взмахнула рукой с зажатой в ней расписанной под гжель черепушкой, но с места не сдвинулась. Вот и славно! Арина кивнула в ответ и поспешила прочь от призрака. Конечно, Марго безобидная и в некотором смысле даже забавная, но хватит на сегодня забавных и безобидных призраков. Не в гости ведь ее приглашать, в самом деле. И вообще, они уже попрощались.

Узкая тропинка петляла между зарослями лопуха, лебеды и прочей дикой растительности. Блэк трусил впереди, Арина шла следом, изо всех сил стараясь не обернуться. Почему-то это казалось особенно важным — не оборачиваться, не встречаться взглядом с призрачной Марго. Арина не знала никаких особых правил, не имела понятия о технике безопасности при контакте с потусторонним, потому просто старалась избегать любых нежелательных контактов.

До нынешнего дня. Сегодня она поступила опрометчиво, подошла слишком близко к краю, вступила в контакт. И вот теперь боится обернуться, из последних сил борется с желанием со всех ног побежать по мокрой тропинке. И дело не в страхе. Она не боится! По крайней мере, таких, как Марго. Она просто не хочет

продолжать это никому не нужное, досадное знакомство.

Тропинка нырнула в заросли черемухи, углубилась в одичавший вишневый сад. Вот она и дома!

Этот домик Арина считала своей самой лучшей находкой. Маленький, из красного кирпича, с выложенной на фронте датой постройки. Если верить дате, домик появился на свет в тысяча девятьсот сорок седьмом году и многое повидал на своем веку. Когда-то в нем жил станционный смотритель. Неподалеку, возле железнодорожного переезда, до сих пор стояла полуразвалившаяся будка, где он нес свою вахту. С тех пор многое изменилось, переезд автоматизировали, покинутая будка смотрителя ветшала, сам смотритель ушел на пенсию и переехал в другое место, некогда ухоженный вишневый сад разросся и одичал, а дом из красного кирпича на десятилетия выпал из жизни и едва не умер в забвении. О нем вспомнили относительно недавно, выкупили, отремонтировали и выставили на продажу. Вот только охотников жить вблизи железной дороги, да еще в такой вишнево-черемуховой глухомани не нашлось, и вывеску «продается» сменила вывеска «сдается». Если верить хозяину дома, Арина стала первым его жильцом.

Ее устраивало все: и стоимость аренды, и недавний ремонт, и уединенность, и вишневые кущи. А железная дорога ведь не видна, о ее существовании напоминают лишь гудки поездов да изредка дребезжащие стекла. Одиночество Арину не смущало, уединенность домика не пугала. Блэк свое дело знал и о вторгающихся в ее вишневое царство посторонних оповещал практиче-

ски мгновенно. Впрочем, уединенность домика была весьма условной. До железнодорожного переезда — пять минут ходьбы, а там, за переездом, начинается город, который не хуже и не лучше Дымного лога, такой же провинциальный, такой же унылый. А с вишневым садом граничит другой, холеный, ухоженный, яблочно-грушевый, обнесенный аккуратным забором, — дачный.

Дачи, большие и маленькие, советского образца и богатые новоделы, тянулись вдоль железной дороги на несколько километров, узкие улочки расходились от платформы и убегали вниз, к реке. Там участки становились все больше, а дома, обраставшие крепкими заборами, утепленными гаражами, спутниковыми тарелками и кондиционерами, выше и основательнее. И если дачи у путей были обитаемыми лишь в сезон, то речные не пустовали даже зимой. Так что об отшельничестве речь не шла, скорее о некотором уединении.

Домик зрителя располагался на самой границе двух жизней, городской и дачной, и, если бы не вишневый сад и полное отсутствие хоть клочка подходящей для возделывания земли, мало чем отличался бы от соседских дач. Вишневый сад определенно спасал ситуацию. Хоть хозяин домика и грозился его выкорчевать, Арина знала — сделать это будет не так уж просто. Выковырять из земли даже маленькое вишневое деревце — задача трудная, очень крепкие у него корни. Что уж говорить о том, чтобы уничтожить целый сад с многочисленными старыми деревьями. Прошлой весной хозяйский порыв ограничился лишь вырубкой больных и мертвых

деревьев да прореживанием особо непролазных зарослей молодняка.

Под сенью сада дождь казался не таким сильным, по глянцевым листочкам он барабанил гораздо деликатнее, чем по зонту. По дорожке, мощенной красным кирпичом, Арина подошла к дому, вставила ключ в замочную скважину и уже на пороге все-таки не удержалась — оглянулась. Сад, надежно скрывавший от глаз унылый пейзаж железной дороги, был тих и пуст. Вот и славно!

Туфли промокли. Арина сбросила их прямо у порога, сунула ноги в удобные тапочки, из крошечной прихожей шагнула в единственную комнату, поставила сумку на венский столик. Столик был старый, добротный, с остатками инкрустации. Арине хотелось думать, что он принадлежал еще стационарному зрителю, любителю поездов, уединения, вишневых садов и каминов. Да, в ее крошечном домике имелся камин! Совсем маленький, смахивающий на слегка облагороженную печку-буржуйку, но действующий! Стена с камином отделяла жилую комнату от кухни, и тепло распространялось по всему дому. Зимой, когда с паровым отоплением то и дело случались проблемы, это было особенно актуально. Да и таким вот унылым сентябрьским вечером тоже.

Не раздеваясь, Арина побросала в камин заранее приготовленные дрова, сунула туда же несколько с весны заготовленных вишневых полешек — для аромата и атмосферы — и разожгла огонь.

В кухне заскрежетало и закуковало. Арина сначала привычно вздрогнула, а потом так же привычно улыбнулась. Часы с кукушкой она выпро-

сила у своей прежней хозяйки, они оставались едва ли не единственным доказательством того, что когда-то у нее была совсем другая жизнь. Вот эти сильные часы с кукушкой, бабы-Глашина шаль и звонки подружки Ирки. Та иногда вырывалась из прошлой жизни в нынешнюю, привозила с собой смех, шум и кучу гостинцев. Последний раз она приезжала в начале августа на целую неделю, но Арина успела соскучиться и уже подумывала, как бы выманить подружку в гости еще раз.

Огонь резво скакал по дровам, вишневые полешки занялись и пахли упоительно. Для полного счастья Арине не хватало лишь ноутбука и чашки кофе. Вообще-то, конечно, ей не хватало не только этого, но она приучила себя к умеренности.

Блэк, все время вертевшийся поблизости, куда-то исчез, а потом из кухни послышалось его рычание. Не тревожное, от которого у Арины пробегал холодок по спине, а так... предупреждающее. Она еще не вошла в кухню, но уже знала, о чем предупреждает ее Блэк. Вернее, о ком...

Марго сидела на любимом Ариным стуле, придвинутом спинкой к обогреваемой камином стене. Можно подумать, призраку так уж необходимо тепло. Она ведь его не чувствует.

— Я вот тут подумала, — сказала Марго как ни в чем не бывало, словно продолжая только что прерванный разговор.

— О чем? — Арина поставила на огонь джезву, щедро сыпанула кофе.

По-хорошему, незваную гостью следовало бы выставить за дверь, да вот только станет ли она для такой, как Марго, препятствием! Блэку двери не помеха. И двери, и стены, и расстояние.

— А я вот больше чай уважаю. Черный, сладкий, с малиновым вареньем. — Марго погладила свою черепушку. Блэк покосился на нее с неодобрением, если не сказать, с отвращением.

Черный чай с малиновым вареньем любила Вера Федоровна. Сердце заныло, а рука с джезвой дрогнула. Вот уже вторая женщина в ее жизни любит черный чай с малиновым вареньем. И эта вторая, так же как и первая, мертва...

Вмиг и камин с вишневым дымом «для настроения», и часы с кукушкой, и даже кофе стали ей немилы, в душу холодной змеей прокрались тоска и предчувствие грядущих неприятностей. А их вестница продолжала задумчиво поглаживать свою расписную черепушку. Арине казалось, она даже слышит, как ноготь с облезлым черным лаком с тихим скрежетом обводит синие узоры под гжель. Ее замутило.

— А если к чаю да еще пирожок с повидлом, — сказала Марго мечтательно. — Нет лучшей улады ни сердцу, ни желудку.

— Вы голодны? — Ей все-таки удалось справиться с тошнотой, и руки больше не дрожали.

— Я? Да нет вроде бы. Я как раз поела незадолго до того, как...

Арина не хотела продолжения, но ее мнением никто не поинтересовался.

— Незадолго до того, как эта сволочь меня убила! — жестко закончила Марго, и черный ноготь беззвучно цокнул по черепушке.

— Какая сволочь?

Еще один ненужный, неправильный вопрос. Зачем Арине знать, кто убил Марго? И вообще,

убили ли ее? Может, она сама?.. Отравилась пирожками с повидлом...

— Представляешь, не знаю! — Марго театральным жестом взъерошила свои рыжие космы. — Вот, казалось бы, должна была помнить, а не помню. Ничегошеньки. Очнулась на скамейке в парке, сижу дура дурой, народ мимо туда-сюда шныряет, а вот тут, — черным ногтем Марго ткнула себя в грудь, — дырка!

Арина проследила за ногтем: никакой дырки в груди собеседницы не наблюдалось. Что же с ней сделали? Выстрелили в сердце? Или закололи ножом?

— И главное, чувство такое гаденькое, свербящее, будто меня как-то не по правилам убили. — Марго выпучила глаза, переложила черепушку из одной руки в другую, снова погладила.

— Убийство — всегда не по правилам, — буркнула Арина себе под нос, но гостя ее услышала.

— А это как посмотреть, — сказала назидательно. — Если бы я умерла как нормальный человек, не мыкалась бы сейчас тут, в этом захолустье.

— Вас здесь, кстати, никто не держит.

— Да не дуйся! Это я не в обиду тебе, а так... рассуждаю. — Марго в успокаивающем жесте подняла вверх руку. — Думаю над своей нелегкой долей. Горюю.

Кофе едва не убежал. Обжигая пальцы, Арина сняла джезvu с огня.

— Я вам очень сочувствую, — сказала она не слишком искренне. — Но не понимаю...

— Чем можешь мне помочь? — Марго усмехнулась, подбросила и на лету поймала Марусину

черепушку. Блэк неодобрительно рыкнул. Арина отвернулась.

Она не хотела помогать Марго. Слишком шумной, назойливой и наглой та была, никак не тянула на несчастную жертву.

— Я ведь за эту неделю прямо одичала вся, — сказала Марго доверительным шепотом. — Никто меня не видит, никто не слышит, поговорить не с кем. Одна отрада — телевизор и газеты. Но и здесь есть нюансы: каналы переключать я не могу, страницы переворачивать — тоже. Выходит, читай и смотри только то, что дают. Сунулась было к Зойке, соседке, мы с ней дружили вроде как. — Марго нахмурилась: — Именно вроде как! Такое от этой змеюки о себе услышала. И грязнуля я, и гулящая, и шарлатанка. Шарлатанка! А сама-то, гадина, ко мне чуть ли не каждый день бегала. «Погадай, Маргоша, раскинь картишки, расскажи про суженого-ряженого!» А что гадать, когда суженый в тюрьме второй срок мотает, а ряженный захаживает раз в неделю по одной-единственной своей кобелиной надобности. Но как же я могу человеку, считай, лучшей подруге, сказать, что не будет у нее никакой радости в жизни! Подвирала, конечно, обещала червовый интерес в казенном доме, собиралась даже ряженого приворожить, чтобы хоть два раза в неделю заходил. А она мне, змеюка, вот такой черной неблагодарностью отплатила. Бабе Вале, нашей соседке по коммуналке, всяких гадостей про меня наговорила. — Марго скорбно замолчала.

Арина перелила кофе в чашку, присела к столу.

— Как ты можешь пить эту мерзость? — Марго брезгливо поморщилась.

Может, и не наводила подружка Зойка на нее напраслину? Если при жизни она была такой же вредной, то любая напраслина может оказаться чистой правдой.

— Не ваше дело! — Арина сделала маленький глоток кофе, закрыла глаза.

— А ты мне не выкай, — послышалось совсем рядом, прямо за спиной. — Мы с тобой почти ровесницы.

Глаза пришлось открыть. Так и есть: Марго сменила дислокацию. И куда только смотрит Блэк!

— Я моложе тебя почти вдвое, — захотелось сказать гадость, и она не стала себя сдерживать.

— Всего лишь раза в полтора. — Марго не обиделась. — Но выглядишь ты для своих годков старовато.

Куснула! Да, соседка Зойка не такая уж гадюка...

— И живешь в таком захолустье! — Марго обвела комнату придирчивым взглядом. — А ведь при твоих-то талантах могла бы как сыр в масле кататься.

— При каких таких талантах? — Разговор получался странный и неприятный. Настолько неприятный, что даже кофе не радовал. Конечно, кофе ведь нужно пить либо в хорошей компании, либо в одиночестве. Мертвая склочная тетка — это хорошая компания?

— Да при твоих талантах! Ты же меня видишь! И вот пес с тобой. — Марго скосила взгляд на прислушивающегося к разговору Блэка. — А он ведь мертвый, я это сразу просекла. Мертвый пес служит тебе, как живой! Вот и скажи, что ты

делаешь в этой дыре, когда можешь грести деньги лопатой в Москве. Обозвалась бы как-нибудь позатейливей — Кассандрой или Кассиопеей — и рубила бы бабло.

— Кассиопея-то тут при чем? — спросила Арина растерянно.

— Ни при чем! Имя просто красивое, заковыристое. Народ у нас любит, чтобы помудренее было. И еще чтобы званий побольше, а родословная подлиннее. Вот я, к примеру, спирит и таролог в седьмом поколении.

— В седьмом?..

— Цифра мне эта нравится. Удачу она приносит. Да ты не отвлекайся, послушай успешного человека, который не первый год в бизнесе. Значит, так, имя позаковыристее, грамоток всяких-разных в фотошопе наделать, на принтере распечатать, комнатку в правильном стиле оформить, побрякушек магических прикупить для имиджа. Кстати, — Марго подняла вверх указательный палец, — на побрякушках советую не экономить. Брать лучше не в сувенирной лавке, а в антикварном магазине, что-нибудь действительно старинное, настоящее. Клиент нынче пошел разборчивый, потому что кругом конкуренция. — Марго горестно вздохнула, но тут же встрепенулась, продолжила: — Главное, первого клиента заполучить, а потом сарафанное радио заработает, при твоих-то талантах.

Она говорила так страстно, с таким воодушевлением, словно и в самом деле собиралась устроить Аринину магическую карьеру. Это было даже забавно. Никогда раньше ей не встречался такой деятельный и энергичный призрак.

— Зачем я нужна этим твоим клиентам? — спросила Арина и вместе со стулом отодвинулась от нависающей над ней Марго, деликатно намекая на святость личного пространства.

— Как зачем?! — Та намек не поняла, подалась следом. — Ты же можешь с ними общаться.

— С кем?

— С покойниками! А знаешь, сколько желающих получить весточку с того света? Тьма! Это я тебе как специалист говорю.

Терпеть это не было сил, и, отбросив деликатность, Арина пересела на стул у стены. Теперь зайти ей за спину у Марго не получилось бы ни при каком раскладе. Мало приятного, когда над твоей душой стоит... неприкаянная душа.

— А ты специалист? — спросила Арина не без интереса. Все-таки с настоящими спиритами ей так тесно общаться еще не доводилось.

Марго ее разочаровала. Она сказала правду:

— В некотором смысле. Если ты про то, выходили ли ко мне на связь покойники, врать не стану, не случилось такого ни разу, но оцени профессионализм — недовольных клиентов у меня тоже почти не было! Главное тут — понять, что человеку нужно, а там уже сообразишь, что к чему, если не дура.

— Значит, ты шарлатанка. — Неожиданно Арина стало обидно, как ребенку, которому вместо мороженого подсунули манную кашу с комочками.

— Почему это сразу шарлатанка! — возмутилась Марго, и Блэк, встревоженный ее воплями, тут же вскочил. — Были у меня кое-какие способности. Были!

— Какие?

— Я умею гадать на картах! В яблочко попадала в девяноста девяти случаях из ста. Да вот хочешь, я тебе сейчас... — Она похлопала себя по бокам, пытаясь нащупать что-то в складках своего балахона, и круглое лицо ее сделалось растерянным: — Пропали... Они пропали.

— Что пропало? — Арине снова стало интересно.

— Мои карты. Я не расставалась с ними десять лет. Они очень действенные, сродство у меня с ними. Даже карман для них специальный сшила в каждом платье, чтобы всегда носить при себе.

— Это на них ты гадала своей подружке?

— Еще чего! Я ей на обыкновенных игральных гадала, а эти были для серьезных клиентов, профессиональные. Как я могла их... — Марго вдруг замолчала, застыла с раскрытым ртом, вперив остекленевший взгляд в расписанную под гжель черепушку, а потом сказала очень тихо и серьезно: — Это он их забрал.

— Кто?

— Тот гад, который меня того... — Она перевела взгляд на Арину и сказала требовательно: — Ты должна мне помочь!

— Я?! — От нагретой камином стены волнами шло тепло, но позвоночник вдруг прихватило холодом. Чувство это было знакомо, ничего хорошего оно не предвещало.

— Ты! — Марго кивнула. — Мне больше не у кого просить помощи. Сама понимаешь, в полиции у меня заявление не примут.

— Но что я могу?..

— Можешь! — Марго не дала ей договорить. — Только ты и можешь.

— Как?

— Для начала нам нужно найти мое тело... — Она осеклась, но потом решительно продолжила: — А дальше будем действовать по обстоятельствам.

— Хочешь сказать, тебя... — Арина тоже запнулась. — Твое тело до сих пор не нашли?

— Зойка-змеюка считает, что я укатила на юга с новым хахалем, значит, не нашли.

— С новым хахалем?

— А что? Я девушка видная! — Марго приосанилась. — Да ты не завидуй! Мертвым завидовать некрасиво.

— Я просто пытаюсь понять, не мог этот... хахаль тебя...

— Убить? — усмехнулась Марго. — Мужик он страстный, южных кровей, ревнивый, а я сама видишь какая! То есть теоретически, наверное, мог бы, но это не он.

— Откуда такая уверенность? — Арина залпом допила остывший кофе и подивилась сама себе. Еще совсем недавно она мечтала, чтобы Марго оставила ее в покое, а теперь вот сидит, расспрашивает про хахалей, пытается вычислить убийцу.

— А оттуда, что я Джафарика первым делом навестила, даже раньше, чем Зойку. Не он это. Если бы он, так сейчас бы спокойным был или, наоборот, водку литрами жрал, а он бесится. Понимаешь? Зойка-гадюка ему сказала про юга и нового хахала. И он поверил. Бесится! Клянется найти меня и зарезать. Вот какой страстный! — добавила с нежностью. — В общем, он ни при чем, тут и к гадалке не ходи. — Марго с силой припечатала черепушкой по столу, но никакого звука не последовало.

— Такие страдания не сыграешь, это я тебе говорю! А я в людях разбираюсь. Это не Джафарик.

— Может, подруга? — предположила Арина.

— Зойка могла бы. Она мне всегда завидовала, но это не она. Ведет она себя нормально. Злится, конечно, но не так, как Джафарик.

— А почему злится?

— Потому что она в самом деле считает, что я укатила на юга с хахалем, а у нее из хахалей только суженый, который срок мотает, да ряженный, обыкновенный кобель.

— Кто-нибудь из клиентов?

На них стоило подумать в первую очередь. Вполне возможно, что Марго переоценивает свои таланты и кто-то все-таки остался недоволен. До такой степени, что пошел на убийство?

— Клиент! — Марго тяжело плюхнулась на пустой стул, хлопнула себя ладонью по лбу. — Клиент мог, наверное. Ненормальных сейчас хватает. Грамотные все, начитанные, права потребителя и Уголовный кодекс знают наизусть.

— Ну вот, нужно вспомнить, кто из клиентов выказывал неудовольствие. Может быть, тебе кто-то угрожал?

— Не могу я вспомнить. — Марго развела руками. — Странное дело: Джафарика помню, Зойку-гадину, а все, что связано с работой, забыла напрочь. Да что там клиенты! Где собственное тело потеряла, не знаю. Вот ты мне скажи, как такое могло случиться? — Ее голос дрогнул.

Арина не знала, как такое могло случиться и могло ли случиться вообще. Уж больно странным казалось происходящее. И призраком мертвой

гадалки, которая при жизни представлялась спиритом и дурила народ, — далеко не самая большая странность. Посмертная амнезия, поразившая Марго, куда удивительнее. О мире живых мертвые должны знать все. По крайней мере, Арине так раньше казалось. А теперь что же? Где ответы на вопросы? Еще и карты пропали...

— Марго, а карты ты всегда с собой носила? — В голове заворочалась смутная, не до конца оформившаяся мысль.

— Зачем?

— Ну, ты же говорила, карманы в каждом платье для них сделала.

— В каждом рабочем платье. Вот в таком, как это. — Марго похлопала себя по бокам. — Карты я с собой беру, только когда нужно погадать клиенту.

Вот и ниточка! Не бог весть какая длинная, но ухватиться за нее все-таки можно. Если карты были при Марго в момент смерти, значит, она встречалась или планировала встретиться с кем-то из клиентов. Узнать бы с кем. А как, если посмертная амнезия все испортила?

— Ты вела записи? — Арина посмотрела на Марго с надеждой.

— Какие? — Та подалась вперед, в глазах вспыхнул огонек понимания. — Деловые?

— Да.

— Разумеется! У меня прием только по записи... был. Ко мне еще попробуй попади. Я ж говорю, девяносто девять процентов из ста!

— И где ты хранишь эти записи?

— Дома. Где же их еще хранить!

— Нам нужно их увидеть, Марго!

Наверное, ее нынешняя жизнь все-таки была слишком скучной, слишком спокойной. Наверное, ей не хватало придуманных приключений, коль уж она взялась помогать Марго. Наверное, она сошла с ума!

— Я сошла с ума...

Они стояли перед унылым пятиэтажным зданием с окнами узкими и высокими, похожими на бойницы, и, запрокинув головы, смотрели вверх.

— А я вообще мертвая! — Марго передернула полными плечами, козырьком приложила ко лбу ладонь, как будто ей мешало яркое солнце.

На самом деле солнца не было, шел дождь, такой же нудный и морозящий, как вчера.

— Это авантюра. — Сквозь серую пелену дождя Арина пыталась разглядеть хоть что-нибудь в окнах на четвертом этаже. Затея эта казалась ей глупой и бессмысленной, как и принятое вчера решение помогать Марго.

Гадалка-призрак оказалась не из тех, кому можно помогать запросто, с легким сердцем и чистой совестью. Она утомляла, а временами даже бесила. Выспаться минувшей ночью Арине так и не удалось. Истосковавшаяся по человеческому общению, совершенно не нуждающаяся в отдыхе, Марго жаждала разговоров «по душам». Арина желала покоя, но ее желание в расчет не принималось. Поэтому на шестичасовую утреннюю электричку она садилась с одной-единственной надеждой: подремать хоть часок. И ей даже удалось сесть, приткнуться у окна рядом с крупным дяденькой, от которого несло табаком и потом.

Если дышать ртом, можно было пережить и дяденьку, который тут же уткнулся в газету, и исходящее от него амбре. Напротив, судя по обручальным кольцам на сплетенных пальцах и сияющим лицам, расположилась пара молодоженов. Они шептались и украдкой целовались. Хотя как можно целоваться украдкой в переполненном вагоне?

Арина закрыла глаза, стоило только электричке тронуться с места, и, кажется, даже задремала, когда прямо над ухом гаркнули:

— Ишь, милуются голубки!

От неожиданности она дернулась и открыла глаза. Дяденька с неудовольствием посмотрел на нее поверх газеты, но промолчал. «Голубки» вообще ничего вокруг не замечали.

Марго нависала прямо над ней, а откляченный зад гадалки маячил едва ли не перед самым лицом молодожена. Черепушку бедной Маруси она с нежностью прижимала к груди.

— Я говорю, поженятся в несознательном возрасте, не нагулявшись, а потом начинаются ссоры и разводы.

На какое-то мгновение, наверное спросонья, Арина забыла, что слышать и видеть Марго может только она, и ей стало неловко за такую бесцеремонность, но очень скоро на место неловкости пришла злость.

Гадалка болтала без умолку: осуждала, одобряла, вспоминала боевую молодость и учила жизни всех неразумных скопом и Арину в частности. Самое страшное заключалось в том, что заткнуть ее, не привлекая к себе ненужного внимания, не было никакой возможности. Как и уснуть. Поэтому в Москву Арина прибыла в отвратитель-

ном расположении духа и с раскалывающейся головой.

На перрон ее вынесла бодрая волна пассажиров. Эта же волна деловито обтекла ее с двух сторон и, разбившись на тонкие ручейки, довольно быстро рассосалась, оставив ее наконец в относительном уединении.

— Ты гляди, какие люди пошли! — Марго материализовалась прямо перед Ариным носом. — Все им не сидится на месте, все им лучшей доли подавай! А жизнь-то она уже тут, живи и радуйся!

— Если ты сейчас же, вот сию секунду, не заткнешься, — Арина сжала кулаки, — я тебя убью.

— Меня нельзя убить. — Марго беспечно взмахнула черепушкой. — Я и так уже мертвая.

— Можно! — Ее не часто посещали озарения, но как-то вдруг Арина поняла: она знает, как убить Марго. Убить окончательно, раз и навсегда. Знает как и может это сделать. Черная ведьмакова кровь проснулась от долгой спячки и горячей лавой хлынула по венам. Дышать стало больно и тяжело.

Она не знала, что разглядела Марго в ее глазах. Наверное, что-то страшное, потому что испуганно шарахнулась в сторону, выронив черепушку, к которой тут же бросился невесть откуда взявшийся Блэк.

— Ты что?.. — Марго не смотрела ни на пса, ни на черепушку, она не сводила взгляда с Арины. — Ты бы просто сказала, что тебе не нравится... Я ж не дура...

— Мне не нравится... — Черная ведьмакова кровь медленно успокаивалась. Арина успокаивалась вместе с ней. Головная боль прошла, чув-

ство злости уступило место стыду. — Я привыкла к тишине. Прости.

— Так ты бы сразу... Я что, не понимаю?.. — по-прежнему не сводя взгляда с Арины, Марго присела, оттолкнула морду Блэка, нашарила черепушку. Лицо у нее было таким, словно это она, а не Арина видела перед собой призрак. — Если хочешь, я вообще уйду. — В голосе послышалась робкая надежда на то, что Арина ее отпустит, освободит от своего жуткого общества. Вот так-то...

— Как хочешь. — Если Марго уйдет, она и сама, пожалуй, почувствует облегчение. Потому что все эти... расследования не для нее. Придумывать истории — вот что для нее.

— Я без тебя пропаду, — сказала Марго совершенно нормальным, совершенно человеческим тоном и погладила свою Марусю. — Ты же все это не со зла? Ведь так?

Арина молча кивнула.

— Не со зла. Я в людях разбираюсь. Ты просто... расстроилась. А ведь кто-то другой может и со зла. — Она, горестно вздохнув, замолчала.

Арина тоже вздохнула, решительно, полной грудью, а потом спросила:

— Далеко до твоего дома?

...И вот они стоят перед унылой пятиэтажкой, и Марго, уже окончательно оправившаяся от пережитого, инструктирует ее, как попасть в коммуналку на четвертом этаже, а она чувствует себя сыщицей и взломщицей. А еще немного сумасшедшей.

— Через пару минут Зойка ускачет на работу, дома останется одна только баба Валя. Вот тогда мы и двинемся, — уже в который раз повторила